

Константин РАЙКИН:

«Иметь успех у папы мне было нетрудно»

Константин Райкин — гений. Нет, конечно, лавры Аль Пачино ему вряд ли светят. Но если вспомнить “Свой среди чужих, чужой среди своих” — кто смог бы убедительнее сыграть идиота? Вот именно — никто. Пять минут на экране, а вспоминают это “конь болел, конь жалел, бай, собака...”, пожалуй, чаще прочих эпизодов. Сейчас Райкин — серьезный человек. Крепкий семьянин. Заведует театром. Получает премии. Ездит на фестивали. Словом, жизнь удалась.

разговор

Керншоу на бульваре

113), 01 03.
19.0.03

ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ

“НА ПАРНАСЕ КОНКУРЕНЦИИ НЕТ”

— Константин Аркадьевич, вы серьезно относитесь к разного рода премиям?

— Не очень. Это игра. Как хорошо сказала поэтесса Вера Павлова — на Парнасе конкуренции нет. Конкуренция начинается ниже. Другими словами, мастера вообще напрямую соревноваться не должны. Соревнования — удел подмастерьев. Мастер — это тот, кто что-то делает лучше всех на свете. Поэтому он и называется мастером.

— Тогда, получается, и зависть коллег исключена?

— Вообще-то да — если брать чисто профессиональный аспект. При этом она не исключается как человеческое качество. Вот мне нравится, когда у кого-то получается. Но зависти я не испытываю. Зависть — это желание зла преуспевающему сопернику.

— Что для вас главное в театре?

— Очень важно, чтобы не было скучно. Важно потрясти зрителей. В нынешней ситуации, когда театр рискует стать вообще самодостаточным, не интересующимся публикой, — я хотел бы поднять этот лозунг на знамя. Нельзя нарушать законов сцены.

— Как в кино — есть фильмы для фестивалей или для зрителей?

— Я не люблю и скучное кино, но кино все-таки имеет больше права быть скучным, чем театр. Оно может быть вообще не понятным современниками. А театр не имеет такой роскоши вообще. Театр — это искусство настоящего времени. Если тебя не поймут сейчас — уже не поймут никогда.

— “Сатирикон” все-таки театр для всех или для интеллектуалов?

— Я не буду уподобляться “Русскому радио”, которое считает, что наш народ способен воспринимать лишь три аккорда. Зачем же так наговаривать на народ? Все мы очень разные. Если спектакль идет хорошо, то зрители — самые разные, и интеллектуалы, и жлобы, — потеплеют сердцем, понежнутся душой... Они станут более тонкими людьми на эти два-три часа. Поэтому “Сатирикон” — театр для всех.

«Если творческий человек пьет завистью, радуется неудачам других, я думаю, что он просто должен быть водителем троллейбуса... К сожалению, талант и злодейство совмещаются часто...»

МК
Бульвар
- 2003
- экв. (н3)
- с. 8-11
27
26

несекретные материалы Константина Райкина

Михаил Коселов

Дата рождения: 8 июля 1950 года.
Образование: Театральное училище им. Щукина.
Должность: худрук театра «Сатирикон».
Достижения: спектакли «Давай, артист!», «Служанки», «Сирано де Бержерак», «Трехгрошовая опера», «Тамлет», «Великолепный рогоносец», «Превращение», «Жак и его господин», «Контрабас»; роли в картинах «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Труффальдино из Бергамо», «Остров погибших кораблей», «Неудача Пуаро» и др.

Награды: народный артист России, обладатель премий «Хрустальная Турандот», «Золотая маска», «Кумир».
Семейное положение: женат на певице и актрисе театра «Сатирикон» Елене Бутенко. Дочь Полина (15) — школьница.

НЕ УЗНАЮ ВАС В ГРИМЕ

— Вы долго гримируетесь перед спектаклем. Так ли уж нужен такой сложный грим?

— Все, что там есть, — это нужно. Вот я играю в «Контрабасе» пузатого человека с еврейским акцентом. Кто-то говорит — все очень хорошо, только не надо пуза. А другой говорит: зачем еврейский акцент? Но, дорогие мои, уберите это — не будет ничего. Я не могу играть без грима. Мне так надо. Вообще, если получается, — не надо ничего улучшать. Если есть успех — не надо его портить. Лучшее — враг хорошего.

— Что ж, тогда руки прочь от Пуаро — маленького, пузатого, с активными серыми клеточками. Если честно — что знали о нем?

— Я не очень люблю детективы. И конкретно эту вещь у Агаты Кристи не читал. Но читал другое. И когда начал работать, еще прочел восемь или десять повестей с Пуаро. Мне было интересно в профессиональном смысле. Я представил себе этого человека...

— Насколько близко?

— Не ближе, чем другие роли. Артистов выбирают на роль (и сам себе роль выбираешь), угадывая какое-то свойство темперамента, степень живости, уклад характера... Я сыграл Пуаро. Но

«Папа нестрого
ко мне относился...»

Из семейного архива

Владимир Чистяков

это не значит, что я люблю заниматься разгадыванием криминальных дел. Нет, этот герой мне очень далек. Но убежден тем не менее, что это моя роль. Какое-то чувство есть труднообъяснимое. Я просто понимаю, какая роль — моя, какая — нет. А Гамлет? А Сирано де Бержерак? А синьор Тодеро? Это мне тоже не близко — хотя я играл эти роли и достаточно большой успех имел.

— Что было самым сложным в работе?

— То, что я не снимался в кино двенадцать лет.

— Почему?

— Я занят. Как мне сниматься? Это невозможно.

— Некоторые же совмещают...

— Кто? Кто из руководителей театра? Марк Захаров? Только Табаков, наверное. И я не вижу, что это хорошо. Если ты руководишь театром — ты всерьез вообще больше ничем заниматься не можешь.

— А не жалеете, честно, Константин Аркадьевич, что «выпали из кадра»?

— Никогда. Вообще про кино не думаю. Просто исключил его из своих мыслей. Это несравнимые для актера вещи по ответственности, по нагрузке... Кино делается другими методами. Там актер — лишь одно из средств выразительности. А в театре — главное. Здесь твой организм работает на полную мощность. Ритм, энергия, мощная театральная энергетика, навыв, ежедневный тренаж... Театральные артисты — это спортсмены в форме. А киноартисты — часто растренированные, мало что умеющие люди.

— Жестоко.

— Почему? Правда. Ну кто из киноартистов умеет работать на сцене?

— Янковский, например.

— Янковский — театральный артист. Я говорю про артистов, специально обученных для съемок в кино, тех, кто окончил ВГИК... Как правило, они не могут работать в театре.

К наградам Райкин относится иронично. Но получает их с удовольствием. Вручение премии «Чайка» во МХАТе, 25 декабря.

Только это и дало мне возможность сняться. Он предложил мне Пуаро так, чтобы не пострадало дело. Расписание съемок легло на мой отпуск. И, когда я вышел из него, — исхитрился сделать так, чтобы это никак не вредило моей работе в театре. Но это просто цирковой номер. Никто другой на это бы не пошел.

ВО ИМЯ ОТЦА

— Как бы отец оценил вашу работу, не задумывались?

— Он нестрого ко мне относился. Он меня любил как артиста гораздо больше, чем я сам себя. У меня с самим собой в смысле профессии гораздо более жесткие отношения, чем у него со мной. Я ему нравился как артист, и он тут был папой. Он на тот день сильно занижал требования ко мне и завышал мои профессиональные возможности.

— Может, таким образом стимулировал?

— Вообще я всегда был существом самостоятельным в профессии и отдельным от него. Я от него никак не зависел. Его оценки в мой адрес мне были, конечно, интересны, но я бы не сказал, что они были бы решающими. У меня с собой были гораздо более сложные отношения. Я абсолютно точно знаю, что ему бы понравилось. Но, ей-богу, для меня это мало что решает. Потому что иметь успех у своего папы мне было несложно. Это гораздо легче, чем иметь успех у самого себя.

— Но вы сын великого Райкина — и от этого факта никуда не деться. Вам это мешало или помогало?

— Скорее всегда мешало. И мешает. Это помогает тому, кто не имеет собственных амбиций, высоких устремлений.

— Похоже, что у вас они были всегда...

— Конечно. Амбиции — это не что-то хвастливое. Амбиции — это мои устремления. Это мой уровень притязаний — так говорилось раньше у спортсменов. Уровень притязаний у меня высокий. И он всегда был такой. Поэтому мне всегда очень мешало, что кто-то может подумать: он это делает благодаря отцу. Хотя театр — место чистое, здесь никакой папа не поможет. Если ты плохо играешь — никакой папа тебе не поможет. И ты сам себе не поможешь — даже если у тебя звания и регалии. Зрителям плевать, что ты вчера играл хорошо. Они хотят, чтобы этот пирожок ты испек сегодня и он был вкусный. И если народный артист играет плохо, а неизвестный Тютюкин очень хорошо — они этого Тютюкина тут же любят. Зрители реагируют непосредственно. Таких длинных рук нет ни у кого — чтобы тебе побольше аплодировали.

Лариса КАБЕЛЛЕВА

“У меня в семье совещательный голос”.

С дочкой Полиной и женой Еленой.

— Но был ведь Театр киноактера...

— К сожалению, это было несерьезно с точки зрения актерского умения. Артист должен работать в театре регулярно. Обязательно. Он должен иметь ежевечернюю практику. А киноактер в перерывах между фильмами годами ничего не делает и, как правило, умеет работать на крупном плане. Он не знает, как держать внимание большого зрительского зала. А это совсем другая энергия. Совсем другая ответственность, совсем другая затрата жизненных сил.

— С кино ясно. Ну а сериалы?

— Я их обычно не смотрю.

— Чем же в таком случае вас подкупил Сергей Урсуляк?

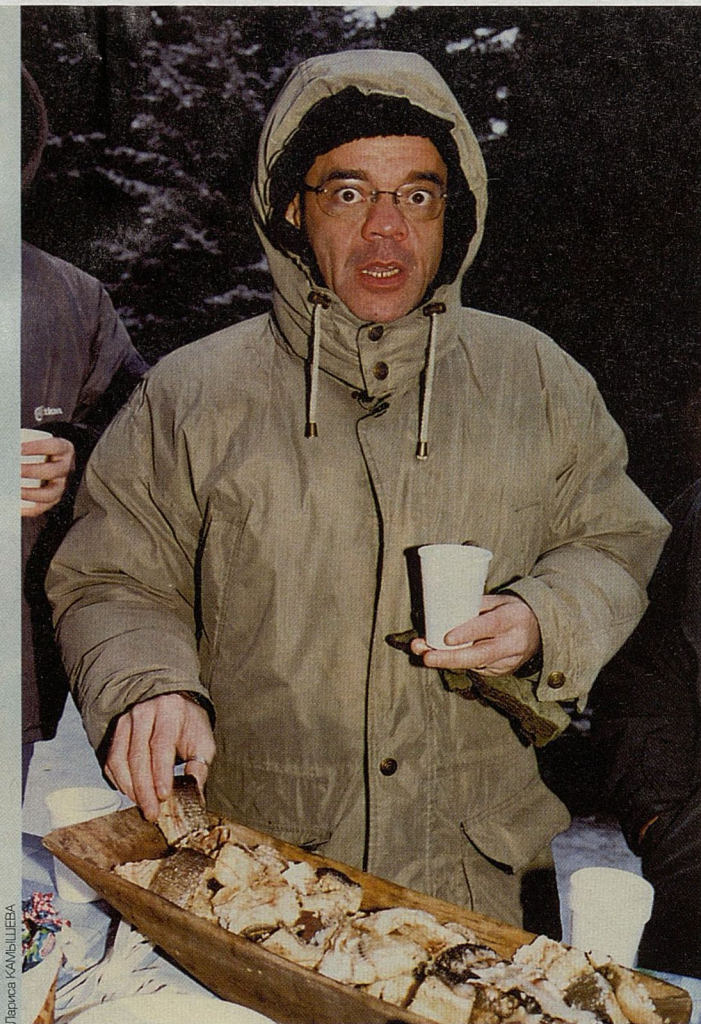
— Сережа Урсуляк работал у меня в театре много лет — он вообще очень театральный человек и уважительно относится к этому делу.

“Я не могу играть без грима — мне так надо”.

Константин Райкин — синьор Тодеро. Только что за эту роль артист получил “Чайку-2002”.

Михаил ГУТЕРМАН

Лариса КАМЫШЕВА

Ноябрь 2002 года.
Райкин — участник
фестиваля “Чайка”
в Ханты-Мансийске.
Хороша местная уха
из муксуна
под водочку!

— Как отец относился к своей славе?

— Никак. Не замечал. Умел не замечать, хотя на протяжении нескольких десятилетий был самым популярным артистом страны. По крайней мере внешне не придавал этому никакого значения.

— Даже не говорил об этом?

— В семье было неприлично об этом говорить. Когда я позволял себе наивные детские вопросы, он прекращал эти разговоры. Ему было неприятно.

— Воспитывал?

— Только личным примером. У нас в семье было принято воспитывать собой, а не актами назидания.

— Вам часто завидовали?

— Не знаю. Я как-то не очень это анализировал, но думаю, что да. Для кого-то, видимо, я являю собой некий повод для зависти.

СОВЕЩАТЕЛЬНЫЙ ГОЛОС

— Что побудило вас креститься?

— Мое рождение и нахождение в этой культуре.

— Не смущало, что церковь строго относится к артистам?

— Это и было для меня долгое время тор-

мозом. В церкви сейчас вообще нет внятного отношения к искусству. Разные церковные деятели по-разному относятся к искусству, к театру... Это было причиной, по которой я некоторое время колебался. Мне не нравилось, что театр однозначно негативно трактуется некоторыми церковниками, огульно красится одной черной краской... Он предстает как некое греховное попрание. Это не так.

— То есть веру вы отделяете от церкви?

— Не от церкви, а от некоторых служителей ее. Служители церкви — отдельные личности. Одни меня устраивают, другие — нет.

— Не спрашиваете себя, богоугодна роль или нет?

— Нет, не спрашиваю. Потому что богоугодным это становится от того, как я это играю, как я к этому подхожу. Другое дело, что я не буду играть, если в спектакле нет некой нравственности, которую я понимаю определенным образом. Я просто не буду принимать в нем участия. Но это не связано с моим крещением..

— Сколько длится ваш рабочий день?

— Не считал. Встаю в шесть утра. Без пятнадцати семь я выезжаю из-за города, чтобы проскочить пробки, — и приезжаю в театр. Работаю целый день, без выходных. Вечером после спектакля еду домой. Это нормально. Так всю жизнь.

— Хотели бы, чтобы дети продолжили династию Райкиных?

— Мне совершенно все равно. Абсолютно. Я хочу, чтобы мои дети были счастливы — вот и все. Чтобы они занимались тем, к чему их предрасположила природа. Мне совершенно не плевать на династию. Если природа зовет к театру — пусть занимаются театром. Если к океану — пусть океаном. Мне надо, чтобы они выросли порядочными людьми, нужными, востребованными...

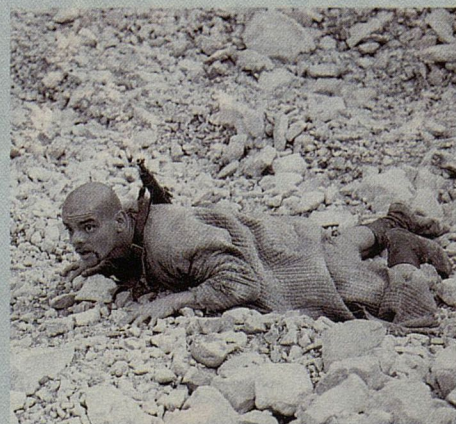
— Но вы уже поняли что зовет, к примеру, Полину?

— Я боюсь ошибиться. Это, честно говоря, не мой вопрос. Это уже пьеса моей дочки — она там главную роль играет. А я участвую из-за кулис. У меня совещательный голос. Я могу посоветовать, если спросят. Но моим советом могут и не воспользоваться. И это тоже нормально.

— НАТАЛЬЯ БОБРОВА

«Это трудное, чрезвычайно тяжелое дело, если к нему относиться честно и всерьез. Если не быть лентяем. Но лентяй и не может заниматься искусством...»

*“Я про кино не думаю. Просто исключил его из своих мыслей...”
А раньше очень даже думал. Начало 70-х — блестящий дебют в картине Никиты Михалкова “Свой среди чужих, чужой среди своих”.*

Связьспортфильм